

Отъезд из СССР

12 мая 1972 года Бродского вызвали в отдел виз и регистрации ленинградской милиции (ОВИР)³⁰⁶.

«Я знал, что из ОВИРа гражданам просто так не звонят, и даже подумал, не оставил ли мне наследство какой-нибудь заграничный родственник. Я сказал, что освобожусь довольно поздно, часов в семь вечера, а они: пожалуйста, можно и в семь, будем ждать. Принял меня в ОВИРе полковник и любезно спросил, что у меня слышно. Все в порядке, отвечаю. Он говорит: вы получили приглашение в Израиль. Да, говорю, получил; не только в Израиль, но и в Италию, Англию, Чехословакию.

А почему бы вам не воспользоваться приглашением в Израиль, спрашивает полковник.

304 Этот же смысл слова «доктор» просвечивает у Пастернака в докторе Живаго – герое, который уподобляется Христу.

305 В. Р. Марамзин датирует первый черновой набросок к поэме маем 1964 г.: «Лежавший у окна был Горбунов, а рядом с ним валялся Горчаков» (РНБ. Ед. хр. 67. Л. 57).

306 Иногда называют дату 10 мая, но Бродский запомнил: «Это было в пятницу вечером» (*Интервью 2000*. С. 658). Пятница была 12 мая.

Может, вы думали, что мы вас не пустим? Ну, думал, отвечаю, но не это главное. А что? – спрашивает полковник. Я не знаю, что стал бы там делать, отвечаю.

И тут тон разговора меняется. С любезного полицейского «вы» он переходит на «ты». Вот что я тебе скажу, Бродский. Ты сейчас заполнишь этот формуляр, напишешь заявление, а мы примем решение. А если я откажусь? – спрашиваю. Полковник на это: тогда для тебя наступят горячие денечки.

Я три раза сидел в тюрьме. Два раза в психушке... и всем, чему можно было научиться в этих университетах, овладел сполна. Хорошо, говорю. Где эти бумаги? <...> Это было в пятницу вечером. В понедельник снова звонок: прошу зайти и сдать паспорт. Потом началась торговля – когда выезд. Я не хотел ехать сразу же. А они на это: у тебя ведь нет уже паспорта»³⁰⁷.

Обычно процедура получения разрешения на выезд и оформления документов тянулась от трех-четырех месяцев до года и дольше. От звонка из ОВИРа до вылета Бродского в Вену прошло чуть более трех недель. Однако это была не специальная акция властей, направленная против Бродского, а мероприятие в рамках широкой программы действий.

Почти герметическая закупоренность Советского Союза стала давать трещины в конце шестидесятых годов. Некоторому количеству граждан начали разрешать отъезд из СССР для воссоединения с родственниками за границей. Приблизительно по одной тысяче евреев выехали из СССР в Израиль в 1968, 1969 и 1970 годах. Эта цифра подскочила до тринадцати тысяч в 1971 году и перевалила за тридцать две тысячи в 1972-м. Советский Союз вступал в пору тяжелого экономического кризиса, который и привел к его развалу два десятилетия спустя. В начале семидесятых годов у правительства Брежнева не было другого выхода, кроме облегчения гонки вооружений и улучшения экономических отношений с Западом. Советские стратегические ракеты и советские граждане, желающие эмигрировать, были фишками в этой геополитической игре. Резкий скачок в числе разрешений на выезд весной 1972 года объясняется просто – в Москве ожидали приезда президента США Ричарда Никсона³⁰⁸. Америка с ее сильным еврейским лобби всегда настаивала на облегчении условий эмиграции из Советского Союза, и вот Никсону выдавался аванс за будущие поставки зерна и политику «детанта».

У Бродского к этому времени имелся «вызов» – официально заверенное израильскими властями письмо от фиктивного родственника в Израиле с приглашением поселиться на земле предков. Многие советские граждане еврейского или полувеврейского происхождения обзавелись тогда с помощью знакомых иностранцев такими «вызовами» – на всякий случай. Бывало, «вызовы» приходили и безо всякой инициативы приглашаемого. Кажется, именно так было и с приглашением, полученным Бродским. Во всяком случае, воспользоваться этим приглашением он не собирался. В тот момент он все еще полагал, что обстоятельства переменятся и ему начнут позволять поездки за границу, как позволяли иногда не только писателям с особым официальным статусом – Аксенову, Вознесенскому, Евтушенко, – но даже и тем, кто, как ему казалось, не слишком отличался от него в глазах властей: ленинградскому поэту-авангардисту Виктору Соснора, например. В те времена даже официально эмигрировавший из СССР навсегда терял возможность вернуться, чтобы навестить близких. Пропаганда приравнивала эмигрантов к предателям. Бродский был слишком привязан – к родителям, сыну, друзьям, родному городу, слишком дорожил родной

307 Там же.

308 Бродский и сам связывал свое стремительное выдворение из страны с визитом Никсона: «Как раз в это время в Советский Союз приезжал Никсон, и повсюду шла чистка» (там же. С. 160; также *Волков 1998*. С. 125). По рассказу Евгения Евтушенко, в апреле 1972 г. ему случилось встретиться по своим делам с одним из руководителей КГБ (Ф. Д. Бобковым), и во время этой встречи он попросил не преследовать Бродского, а дать ему возможность без хлопот уехать из страны. Бродский на всю жизнь обиделся на Евтушенко – не за то, что тот «подал властям идею высылки», а за то, что, зная о ней уже в апреле, он не предупредил Бродского (*Волков 1998*. С. 126–131).

языковой средой, чтобы уезжать безвозвратно. У ленинградского КГБ были, однако, свои виды на старого клиента. Представился удобный случай избавиться от непредсказуемого поэта раз и навсегда. Бродскому не дали толком ни собраться, ни попрощаться. 4 июня 1972 года, через десять дней после своего 32-летия, Бродский вылетел из Ленинграда в Вену.